

К.А. Соловьев*

**ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ
В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
(ПО «ЗАПИСКЕ ПО ВОПРОСАМ О СРОКАХ
ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ» кн. А.А. ЩЕРБАТОВА)**

Предметом исследования является процесс выработки государственных решений в России 1870-х гг. В задачу данной статьи входит выявление алгоритма обсуждения предполагаемого государственного решения и указание на характерные черты выбранного способа решения вопросов государственного значения. Базовый метод в решении этих задач — текстологический анализ документа, условно обозначенного публикаторами, как «Записка А.А. Щербатова по вопросам о сроках военной службы». Результатом стало определение четырех фаз в процессе подготовки и принятия государственного решения. В каждой фазе выявлена специфическая нагрузка. Для первой фазы — это формирование представлений армейских профессионалов о потребностях войск, при переходе на новый принцип их формирования. Для второй фазы — апробация этих представлений в обществе и коррекция намеченных планов. Для третьей фазы — уточнение разработанных положений в полемике с представителями «групп интересов» сложившихся, в то время, в управленческой элите. Для четвертой фазы — закрепление сформированных в процессе обсуждения элементов реформы, на государственном уровне.

Ключевые слова: история России, история государственного управления, военная реформа Александра II, Устав о воинской повинности, комиссия Ф.Л. Гейдена, А.А. Щербатов.

The subject of the research is the process of developing government decisions in Russia in the 1870s, based on the case of the development of the Charter on military service. The objectives of this article include identifying an algorithm for discussing a proposed government decision and indicating the characteristic features of the chosen method of solving issues of state importance. The basic method in solving these problems is the textual analysis of the document, conventionally designated by the publishers as “A.A. Shcherbatov on the issues of the terms of military service”. The result was the definition of four phases in

* Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: KSoloviov@sra.msu.ru

the process of preparing and making government decisions. Each phase has a specific load. For the first phase — the formation of ideas of army professionals about the needs of the troops, in the transition to a new principle of their formation. For the second phase — the approbation of these ideas in society and the correction of the outlined plans. For the third phase — clarification of the developed provisions in polemics with representatives of “interest groups” that developed at that time in the management elite. For the fourth phase — the consolidation of the reform elements formed during the discussion process at the state level.

Key words: history of Russia, history of state administration, military reform of Alexander II, the Charter on military service, commission of F.L. Heyden, A.A. Shcherbatov.

Царствование Александра II являет собой редкий для российской государственности пример тесного (и, в значительной степени, успешного) взаимодействия органов государственной власти и российского общества в реформировании различных сторон жизни. Важным элементом такого взаимодействия стала работа комиссий, учреждаемых государством для предварительного обсуждения проектов преобразований, в противовес утвердившейся, в предшествующих правлениях, практике работы «Секретных комитетов»¹ (хотя от полного отказа от использования «Секретных совещаний» речи не шло², эти две разные формы разработки и принятия государственных решений применялись параллельно). Опыт взаимодействия с дворянскими комитетами, в ходе крестьянской реформы, был транслирован на другие реформы 1860-х — нач. 1870-х гг. Постепенно сложилась практика предварительного рассмотрения проектов преобразований, подготовленных в системе органов государственной власти в особых комиссиях, с участием представителей общества и, в частности, земских органов. Именно этот алгоритм был применен при проведении «военных реформ» первой половины 1870-х, проводимых под руководством военного министра гр. Д.А. Милютин.

Первого мая 1873 г. Д.А. Милютин сделал запись в своем дневнике: «Государь одобрил представленные мною соображения о по-

¹ Алексеев П.В. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа (19 февраля 1861–1911): Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1911. С. 194–208; Серебрякова Ю.В. Обзор деятельности секретных комитетов по расколу в царствование императора Александра I // Вестн. ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С. 30–39.

² Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М.: Издательство «Московский университет». 1952. С. 363–364.

степенном выполнении изменений в организации войск и повторил несколько раз, что не видит причины торопиться с этим делом, что надобно сообразоваться с денежными средствами. Пользуясь благоприятным настроением государя, я выпросил награды вне правил главным труженикам, которые вынесли на своих плечах тяжелую работу обеих комиссий (по организации войск и воинской повинности), а именно: генерал-майору Обручеву, полковникам Шнитникову и Величко и самому графу Гейдену, которому государь предназначает Владимира 1-й степени при рескрипте»³. А 14 мая отметил: «В полдень представлял я государю членов обеих комиссий по случаю их закрытия. Многие из сотрудников получили награды, прочие — именные благоволения»⁴. Запись от 1 мая сделана в то время, когда работало «Особое присутствие Государственного совета по делу о воинской повинности» под председательством великого князя Константина Николаевича. А запись от 14 мая — по окончании работы «Особого присутствия», но за несколько месяцев до того как согласованный текст должен был быть передан в Общее собрание Государственного совета. Граф Ф.Л. Гейден, упомянутый в первой записи, — ключевая фигура в процессе подготовки военных реформ, руководивший комиссией, созданной 17 ноября 1870 г. в связи с обсуждением проекта Устава о всеобщей воинской повинности. А перед этим он занимал место постоянного представителя военного министерства в Особой комиссии для пересмотра рекрутского устава, которая работала с 10 февраля 1862 г. по 11 января 1867 г.⁵

Предметом данной статьи является работа «комиссии Гейдена», в том виде, как она представлена в записи приглашенного члена этой комиссии, общественного деятеля, князя А.А. Щербатова. В отечественной историографии эта тема затрагивается косвенно. Общий контур военных реформ, был обозначен в монографии П.А. Зайончковского. Изданы биографии главных деятелей реформы Д.А. Милютин и Н.Н. Обручева⁶. В последних публикациях по этой тематике рассмотрены условия, в которых принимались

³ Милютин Д.А. Дневник. 1873–1882. М.: Издательство Захаров, 2016. Т. 1. С. 11.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Шалашина В.М. Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60–70-е гг. XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4. Т. 4. С. 264.

⁶ Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М.: Animi Fortitudo, 2005; Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М.: Алисторус, 2017.

решения о реформировании армии⁷; обозначены базовые принципы, на основе которых проводились преобразования⁸, представлена общественная реакция на проводимые реформы⁹. В задачи данной статьи входит: а) выявить алгоритм обсуждения задачи стоящей перед государственным управлением; б) обозначить характерные черты выбранного способа решения государственной задачи; в) указать на мотивы, которыми руководствовались члены комиссии при обсуждении предлагаемого управленческого решения. Базовый метод в решении этих задач — текстологический анализ документа, условно обозначенного публикаторами, как «Записка по вопросам о сроках военной службы» (далее — «Записка»)¹⁰.

Но прежде необходимо указать на то, как и почему князь А.А. Щербатов оказался причастным к работе этой комиссии. К своим 44 годам князь Щербатов имел опыт и штабного и боевого офицера, получив орден Св. Анны III степени за бои у Силистрии и Арабии-Табии. Выйдя в отставку, он занялся общественной деятельностью, сначала в должности Вереяского уездного предводителя дворянства, а затем в Московском губернском дворянском комитете, при разработке положений крестьянской реформы. Но главным его достижением к тому времени стала работа на посту Московского городского головы. Занимая этот пост в 1863–1869 гг., он «не только смог реализовать большое количество реформ по благоустройству города, начать отделение местного самоуправления от государственной политики, но и смог преодолеть ... сословную неприязнь»¹¹ в городском сообществе, что и было особо отмечено Московской думой при награждении его званием первого почетного гражданина города Москвы. Уйдя с поста руководителя Московской городской думы А.А. Щербатов не прекратил общественного служения. Он оставался гласным думы и членом Московского губернского

⁷ Собожников Н.А. Демократизация Российской империи: реформа вооруженных сил Д.А. Милютин 60–70-е гг. XIX века. // Кант. 2018. № 1 (26). С. 259–265.

⁸ Пахомов В. В. Историко-правовые аспекты становления мобилизации и мобилизационной подготовки в России // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 4. С. 135–142.

⁹ Орлов А.С. Освещение вопроса о введении всесословной воинской повинности в Российской империи второй половины XIX века на страницах периодических изданий // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2019. № 1 (82). С. 54–58.

¹⁰ Записка по вопросам о сроках военной службы // Щербатов А.А. На службе отечеству. М.: Русский мир. 2009. С. 412–419.

¹¹ Зуева А.А. Политическое лидерство в городском управлении России середины XIX в. (на примере московского городского головы князя А.А. Щербатова) // Вестн. Брянского гос. ун-та. 2020. № 2. С. 29.

земского собрания. Именно от московского губернского земства он был направлен в «комиссию Гейдена» в качестве представителя общественности.

«Записка» Щербатова написана в обоснование его мнения при обсуждении и голосовании вопроса о сроке военной службы в условиях всеобщей воинской обязанности, состоявшееся 30 апреля 1872 г.¹² При этом содержание этой «Записки» позволяет узнать не только мнение самого Щербатова, но и многое другое. Прежде всего, в ней косвенно отражена работа экспертов военного министерства. Итогом этой работы стали два предварительных документа (в изложении Щербатова): «записка военного министра от 7 ноября 1870 г.» (точное название: «О главных основаниях личной военной повинности») и «записка о сроках военной службы, составленной для Комиссии об организации войск»¹³. Содержание первой из этих записок кратко проанализировано П.А. Зайончковским, остановившимся на главных ее положениях¹⁴. Но, сосредоточившись, на выводах, П.А. Зайончковский не стал комментировать аргументацию к ним. «Записка» же Щербатова интересна именно тем, как воспринимались те аргументы, на которых строились положения, разработанные военным министерством. Причем в ней рассмотрены аргументы, выдвигаемые не только в упомянутых записках, но и непосредственно при обсуждении подготовленного доклада в общем собрании «комиссии Гейдена».

Подготовительная работа разработчиков реформы (тех, кого Щербатов именует «специалистами» и «военными авторитетами») строилась следующим образом: а) за отправную точку был взят опыт Пруссии и Австрии, государств с уже сложившейся системой призыва на военную службу; б) затем были указаны специфические черты российского общества, учет которых требовал корректировки тех сроков службы, которые установлены в странах, служащих внешним образцом; в) общему собранию комиссии были предложены варианты срока прохождения военной службы, приемлемые в российских условиях. Именно такой порядок разработки обоснования сроков службы обозначен, самим Щербатовым в его «Записке». Там же упомянут срок службы в Австрии — 3 года. Такой же срок был установлен в Пруссии по «Закону о воинской обязанности» от 3 сентября 1814 г. («3 года в регулярных войсках, затем 2 года в

¹² Щербатов А.А. Указ. соч. С. 412.

¹³ Там же.

¹⁴ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 304–306.

резерве, после чего 7 лет в Ландвере первого призыва и столько же в Ландвере второго призыва»¹⁵).

Отсылка к опыту Пруссии понятна в контексте победы ее армии во Франко-Прусской войне 1870–1871 гг. Один из разработчиков военной реформы — генерал-майор М.В. Анненков, в брошюре, посвященной анализу работы служб обеспечения армии Пруссии в этой войне, назвал успехи прусской армии «необыкновенными» и «поразительными»¹⁶. Он тщательным образом разобрал все те условия, которые сделали эти успех возможными, отнеся к ним: «уровень образования в германской и французской армиях, ... военную их организацию, способ приведения армий на военное положение, устройство тыла, способы передвижения и вообще на подготовку к войне, ... внутренний порядок в войсках этих армий, их вооружение, способ действий и дух войск»¹⁷.

Щербатов отмечает, что разработчики реформы («военные специалисты») предложили для обсуждения три варианта для России: «4-летний срок наличной службы, как кратчайший», а также срок в пять и в шесть лет. Отметим здесь, что срок в три года вообще не рассматривался в качестве возможного, речь шла лишь о том, насколько дольше должен служить русский солдат на действительной службе по отношению к солдатам Пруссии и (а к тому времени уже — Германии) и Австрии. Вариант, к которому склонялись военные эксперты (и который, в итоге был утвержден), предполагал 6 лет действительной военной службы, что на три года превышало тот срок, который был принят в военной службе Германии, и на один год — Франции («5 лет в действующих войсках и 4 года в резерве»)¹⁸.

Аргументацию военного министерства в комиссии представляли «генерал-майоры Клугин, Обручев, Аничков и Анненков»¹⁹. Их уровень как военных экспертов можно понять по тому положению, которое они занимали в военном руководстве.

Н.Н. Обручев — управляющий (с 1866 г.) делами Военно-ученого комитета при Генеральном штабе. Именно он, вместе с помощником Гейдена генерал-лейтенантом Мещериновым был назван

¹⁵ Стерхов Д.В. «Нация с оружием в руках». Военная мобилизация и всеобщая воинская повинность в Пруссии в 1813–1814 годах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. № 4. С. 74.

¹⁶ Анненков В.М. Война 1870 года. Заметки и впечатления русского офицера. СПб. Типография «Общественная польза». 1871. С. 1–3.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 306.

Милютиним в числе главных действующих лиц на начальном этапе разработки вопроса о введении всеобщей воинской повинности²⁰.

В.М. Аничков — начальник кафедры военной администрации Академии Генерального штаба, автор многочисленных публикаций по теории и практике военного управления центрального и местного уровней, член Военно-ученого комитета, составитель «Положения о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск»²¹.

В.М. Анненков, выпускник академии Генерального штаба, крупный специалист по размещению и передвижению войск, автор статей в «Военном сборнике», а с 1869 г. — «заведующий передвижением войск по всем железным дорогам и водным путям России»²².

Л.Н. Клугин — в то время помощник начальника главного штаба, занимавший в своей карьере посты начальника штаба последовательно 4-й и 3-й пехотных дивизий, а затем Московского и Харьковского округов²³.

Помимо собственно разработчиков реформ, как об этом пишет П.А. Зайончковский, «несколько позднее в состав комиссии были введены ... несколько представителей от войск»²⁴. Это были: генерал-адъютант А.Ф. Дрентельн — командир первой гвардейской дивизии и председатель главного комитета по устройству и образованию войск; генерал-адъютант князь Масальский — начальник артиллерии Санкт-Петербургского военного округа; генерал-лейтенант Д.П. Суходольский — помощник начальника первой кавалерийской дивизии и генерал-майор Р.А. Зейме — помощник начальника Главного инженерного управления. Таким образом, в состав «комиссии Гейдена» были включены те «военные специалисты», которые представляли военное министерство и его главный штаб (возглавляемый самим Ф.Л. Гейденом), а также представителей от гвардии и родов войск: пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных войск. В комиссии были представлены министерства: внутренних

²⁰ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 69.

²¹ Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск, высочайше утвержденное 31-го июля 1871 г. Справочная книжка для лиц, заведующих продовольственной частью в войсках и управления. Издание Генерального штаба Генерал-Майора Аничкова и Состоящего в главном Интендантском управлении Капитана Патковского». СПб.: Главная военная типография. 1871.

²² Генерал-лейтенант М.В. Анненков // Всемирная иллюстрация. 1881. Т. 25. С. 357.

²³ Русский Инвалид. 1879. № 127.

²⁴ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 306.

дел, морское, народного просвещения, финансов, государственных имуществ, а также департамент уделов, II отделение ЕИВ Канцелярии и канцелярия по делам Царства польского²⁵.

В качестве особых российских реалий, которые, как считали специалисты военного министерства, требовали увеличения срока службы в регулярной армии до пяти или до шести лет, в «Записке» Щербатова были обозначены следующие:

Аргумент 1. «Недостаток в казарменных помещениях ... вредно влияющий на образование солдата» и сохраняющаяся «натуральная квартирная повинность» при размещении солдат²⁶. Сам по себе аргумент «недостаток казарм» не очень понятен, поскольку от того, служат ли солдаты три года или шесть лет, их общее количество не должно меняться. Соответственно количество и вместимость казарм не связаны напрямую с продолжительностью срока военной службы. И только отсылка к трудностям «образования» дает направление к его пониманию.

Вопрос о том, как обучать новобранцев, в то время становится одним из главных. М.В. Анненков первый раздел своей книги, посвященной анализу Франко-Прусской войны, назвал «Общий уровень образования воюющих армий». Его наблюдения коротко могут быть выражены следующим образом: «В 1866 году после поражения Австрии в Европе повторяли, что вместе со скорострельным ружьем — австрийцев победил прусский школьный учитель, и это не пустая фраза. Превосходство умственного развития прусских солдат, прошедших через обязательную народную школу — не подлежит никакому сомнению ... При подобном составе армии, части войск являются уже не бездушными машинами, не автоматами, действующими только по команде, идущими за командиром и нравственно теряющимися при утрате офицеров, — но сознательными боевыми единицами, до конца исполняющими предназначенную для них цель и, в то же время, умеющими пользоваться всеми случайными изменениями в ходе сражения»²⁷.

Его оценка уровня подготовки прусских новобранцев до начала военной службы указывает на трудности, с которыми придется столкнуться российской армии в обучении солдат при переходе на всеобщую воинскую повинность. Ведь большинство новобранцев из тех, что поступят на службу в 1870-гг., будут неграмотными.

²⁵ Там же.

²⁶ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 414–415.

²⁷ Анненков М.В. Указ. соч. С. 7–8.

И к этому необходимо добавить то, что само по себе обучение новобранцев в российской армии, было организовано архаически. Малое количество казарм и размещение, вследствие этого, солдат «по квартирам», безусловно, создавало трудности как для сплочения солдатского коллектива, так и для обучения солдат военному делу. По-настоящему военными единицами полки становились только в летних лагерях, на маневрах. Там отрабатывались навыки взаимодействия в бою²⁸. О том, как слабо организовано обучение войск, размещенных «на квартирах» красочно писали «Московские новости» в период обсуждения готовящихся реформ: «Значительные массы русского войска теряют время в праздности, стоя на обывательских квартирах. Кратковременность лагерных сборов, отпуск солдат на работы чуть не на два месяца, бездействие кавалерии на подножном корму и многие другие невыгодные условия мешают нашему солдату успевать в военном деле»²⁹.

Обязанность воспитания и обучения молодых солдат в до-реформенное время возлагалась, главным образом, на младший командный состав унтер-офицеров, ефрейторов, а также «старых солдат» («дядек»)³⁰. Роль дядек в «Своде военных постановлений» 1838 г. была обозначена так: «26. В каждый десяток назначается ... по одному, а если нужно, по два старослужащих испытанной доброй нравственности солдата, которые называются дядьками. 27. Вновь определенные на службу по распределении их по десяткам отдаются на руки: порочные — дядькам, а нештрафованные — самим унтер-офицерам и ефрейторам»³¹.

При трехлетней или четырехлетней службе солдаты-дядьки просто не успевали бы появиться. Понадобилась бы полная перестройка всей системы подготовки новобранцев, что, в свою очередь, невозможно без казарменного размещения. Срок в шесть лет службы выглядел компромиссом между прежней, сравнительно отлаженной системой передачи военного опыта от старослужащих солдат к молодым, и новыми реалиями, в которых каждый год на службу поступало бы около 16 процентов новобранцев. И этим но-

²⁸ *Тажиев А.К.* Формирование морально-боевых качеств военнослужащих русской армии в ходе боевой подготовки (кон. XVIII — нач. XIX в.) // Армия и общество. 2008. № 4. С. 3.

²⁹ *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских новостей за 1871 год. М., 1891. С. 3.

³⁰ *Баяндин В.И.* Русская армия в XIX — начале XX в.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2019. № 62. С. 11–12.

³¹ Свод военных постановлений. Ч. 3. Наказ войскам. СПб. 1838. С. 12.

вобранцам необходимо было приобрести солидный опыт службы, чтобы, став «дядьками» обучить следующее пополнение.

В 1867 г. в полках были созданы учебные команды, задача которых — обучение унтер-офицеров, «которые должны быть учителями грамотности в ротях»³², но результаты их деятельности к 1872 г. еще не были обобщены и осмыслены, и по этому поводу велась серьезная дискуссия, в том числе и в «комиссии Гейдена», когда прозвучало предложение увеличить срок действительной военной службы для унтер-офицеров³³.

Аргумент 2. У Щербатова он описан как «часто приводимые соображения о невыгодных климатических условиях нашего отечества»³⁴. О чем конкретно говорилось в этих «соображениях», Щербатов не пишет, заметив лишь, что о том, что «с устройством казарм» эти соображения «в значительной доле отпадают»³⁵. Соответственно мы можем предположить, что климатические соображения касались длительного периода зимних холодов, когда размещенные «на квартирах» солдаты лишены строевой подготовки, и их обучение военному делу затруднено. В этих условиях шесть лет службы, на которых настаивали военные специалисты, представляли собой те же три года интенсивной подготовки, но раздробленные на шесть летних отрезков времени.

Аргумент 3. «Неудобство путей сообщения», которое может служить «огромным препятствием к передвижению и комплектованию войск»³⁶. Этот аргумент представляется наиболее серьезным, поскольку при трехлетнем сроке военной службы одна треть рядового состава вооруженных сил должны покидать место службы, отправляясь домой, и им на смену должны прибывать новобранцы. Это безусловно требует как серьезных финансовых затрат, так и времени. Щербатов отмечает, что это «неудобство» с каждым годом становится «все менее ощутимым», поскольку строительство железных дорог, резко увеличивает скорость и объем перевозок. В этом вопросе у Щербатова должен был быть союзником генерал М.В. Анненков, который еще в 1866 г. поместил в «Военном сборнике» статью о тех возможностях для армии, которые открывает использование железных дорог. Уже в то время Анненков был

³² Бобровский П. Взгляд на грамотность и учебные команды (или полковые школы) в нашей армии // Военный сборник. 1871. № 3. С. 69.

³³ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 418.

³⁴ Там же. С. 415.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

полон оптимизма: «Ежели наши войска будут уметь пользоваться железными дорогами, то смело можно сказать, что между Москвою, Петербургом и Варшавою, нет больше расстояний»³⁷.

Аргумент 4. Для него в «Записке» Щербатова нет конкретной формулировки, но есть описание определенной позиции: «Затем высказывались соображения более нравственного свойства в пользу продолжительности срока наличной службы в рядах, указывалось на отсутствие воинственности русского народа, требующее более продолжительного пребывания под знаменами для развития в солдатах воинского духа. Но те же военные, которые указывали на эту характеристическую черту славянского племени, вместе с тем заявляли о несомненных других качествах русского человека, делающих из него одного их первых солдат в мире...»³⁸.

Щербатов не называет имен тех военных, кто высказывался на заседаниях комиссии в таком роде, но в уже отмеченной выше книге В.М. Анненкова «Война 1870 года» содержится такой тезис: «В военном деле, как и во всяком другом, обращается большее внимание на внешнюю сторону, на то, что более бросается в глаза и, таким образом, в рассматриваемом явлении обыкновенно стараются отыскивать причины видимые, относя к ним и конечные результаты того или другого явления. Нравственные же причины, трудно поддающиеся внешнему и поверхностному наблюдению, по большей части, остаются незамеченными, или же им приписывают значение второстепенное, тогда, как в действительности, они играют очень важную роль и весьма часто служат главными двигателями дела»³⁹. Соответственно можно предположить, что тема «нравственных причин» и боевого духа войск возникла не спонтанно, а была одним из важных элементов в той системе аргументов в пользу длительного срока службы, которая была представлена со стороны разработчиков реформы.

Аргумент 5. Он выглядит так: «Наконец, указывалось на невысокую степень развития образования в массе русского народа». Этот аргумент отсылает нас к первому из предлагавшихся аргументов — недостатку казарм и «поквартирному размещению», как бы «закольцовывая» всю систему аргументации военных вокруг вопроса о том, как в короткий срок сделать из неграмотного новобранца подготовленного солдата. Судя по публикациям в «Военном

³⁷ Анненков В.М. О применении железных дорог к военному // Военный сборник. 1866. Т. 52. № 12. С. 350.

³⁸ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 415.

³⁹ Анненков В.М. Война 1870 года. С. 172.

обозрении», этот вопрос был одним из самых важных для обсуждения в период между 1867 и 1872 гг. В 1871 г. там писали: «Для того, чтобы иметь возможность в более короткий срок ... дать прочную первоначальную подготовку ... при заведенных в полках порядках, все-таки необходимо увеличить время и доставить больше удобств в помещении. Тогда, смеем уверить, результат удовлетворит самым строгим требованиям, потому что в русском солдате громадный запас задатков для умственного развития...»⁴⁰.

В целом, ход обсуждения вопроса о сроке военной службы в «комиссии Гейдена» выглядит следующим образом:

а) базовая аргументация, вокруг которой строились дебаты, была представлена в двух документах («записках»), которые были подготовлены не специально к заседанию комиссии, а в других — более общих целях;

б) никакого другого обоснования (например, финансового, или возможности задействовать имеющиеся пути сообщения для перевозки новобранцев) специально к заседаниям комиссии подготовлено не было (на это, в частности, обратил внимание общественности М.Н. Катков в передовой статье № 1 «Московских ведомостей» за 1871 г.: «Что же касается до финансовой стороны деда, то мы считаем лишь, что расходы по военной повинности “должны сделаться общими и пасть частью на государственное казначейство, частью на государственный и губернский земские сборы”. Этим ограничиваются все указания опубликованных документов на финансовое значение реформы»⁴¹);

в) армию на этих заседаниях представляли как сами разработчики реформы (члены Военно-ученого комитета), так и приглашенные эксперты, отобранные как по статусным соображениям, так и по их причастности к работе по организации военной жизни для разных родов войск;

г) устное обсуждение срока действительной военной службы общим составом двух комиссий проводилось 27 и 30 апреля 1872 г.; представители армии, если судить по «записке» Щербатова, высказывали общее мнение, «что о трехлетнем сроке наличной службы в рядах при условиях, в которых находится большинство русского народонаселения и военная у нас часть, не может быть в настоящее время и речи»⁴²;

⁴⁰ А. Заметка на заметку «Об учебных командах» // Военный сборник. 1871. № 2. С. 230.

⁴¹ Катков М.Н. Указ соч. С. 1.

⁴² Щербатов А.А. Указ. соч. С. 413.

д) при наличии трех вариантов разрешения вопроса (четыре, пять и шесть лет действительной военной службы) аргументация по каждому варианту в отдельности, представлена не была.

Основное содержание дебатов распределилось по двум темам. Первая — насколько больше должны служить российские солдаты, по сравнению с солдатами Германии и Австрии. Вторая тема — следует ли снижать срок прохождения военной службы для тех, кто имеет образование («льгота грамотности»⁴³). По первой теме (а вторую тему мы здесь рассматривать не будем) представители армии во мнениях разошлись. По крайней мере, так об этом писал М.Н. Катков в Московских ведомостях за 1871 г.: «В комиссии произошло разногласие: большинство военных членов желает 6-ти-летнего срока, меньшинство 4-х-летнего. Это известие подтверждает и газета “Голос”»⁴⁴.

Можно предположить, что те приглашенные члены комиссии, которые не занимали государственных должностей, предлагали свои аргументы и, скорее всего, эти аргументы были за сокращение срока действительной военной службы. П.А. Зайончковский называет часть из них пофамильно: «череповской городской голова почетный гражданин Милютин, мануфактур-советники Сазиков и Морозов, московский купец 1-й гильдии Найденов, купец Четвериков, С.-Петербургский городской голова Погребов, С.-петербургский предводитель дворянства гр. Бобринский, а также представители земств различных губерний»⁴⁵. Никто из названных в армии не служил. Первые пять членов этого списка — торговцы и промышленники из мещан (И.А. Милютин), крестьян (И.С. Сазиков), купечества. Н.И. Погребов и граф А.А. Бобринский после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета служили в министерстве внутренних дел, но, правда, последний в 1855 г. записался в ополчение. И то, что эти члены комиссии не знали по личному опыту армейской службы, резко снижало значение их аргументов в глазах военных специалистов.

Вероятно, все же, что среди не названных Зайончковским «представителей земств», были дворяне, имевшие опыт службы в армии на офицерских должностях. И именно они с наибольшим знанием дела могли возражать разработчикам реформы в вопросе о сроке действительной военной службы, выдвигая собственные

⁴³ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 417.

⁴⁴ Катков М.Н. Указ. соч. С. 332.

⁴⁵ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 307.

аргументы. По сведениям М.Н. Каткова, к сентябрю 1871 г. в «комиссии Гейдена» выявились три базовые позиции: «Из 56 лиц, призванных к обсуждению вопроса, 18 высказались за 12-ти-летнюю службу, при 4 годах действительной военной службы; 11 лиц в пользу 15-ти-летнего срока при 5 годах действительной службы; наконец председатель и 27 лиц в пользу 15 лет полной при 6 годах действительной службы»⁴⁶.

А.А. Щербатов, имея за плечами в дополнение к боевому опыту опыт службы адъютантом И.Ф. Паскевича и М.Д. Горчакова, прекрасно понимал аргументацию военных. Но, выступая на заседании комиссии, он высказался за минимально возможный срок действительной военной службы в четыре года, приводя свои соображения в таком порядке: а) «чем короче срок наличной службы в рядах, тем скорее образуется запасная армия»⁴⁷; б) короткий срок службы «более соответствовал бы общим экономическим интересам страны» (это положение им в «Записке» не раскрыто); в) «военная повинность, раскладываясь на большее число лиц, не отягощала свыше необходимости отдельные личности, ее несущие»⁴⁸. И мы видим, что если все пять аргументов «военных авторитетов» находились в одной плоскости — потребности армии, то аргументация Щербатова находилась трех плоскостях: помимо чисто армейских задач, он учитывал еще и необходимость считаться с потребностями экономического развития, и, самое главное — стремился защитить интересы тех, кто будет отбывать службу по призыву. Но его аргументация воспринята не была, военные добились того, на чем настаивали — 6 лет действительной службы и 9 лет запаса.

Итак, общий алгоритм принятия государственного решения представляется в следующем виде:

Первая фаза — подготовка концепции, в рамках которой необходимо проработать будущее решение. Приблизительная дата начала этой работы связана с реорганизацией Военно-ученого комитета в 1867 г. и ведущей ролью в нем Н.Н. Обручева⁴⁹. Эта фаза завершается докладом военного министра Д.А. Милютину императору 7 ноября 1870 г. В этой фазе заняты только военные специалисты. Переходным от первой ко второй фазе действием стало заседание Совета министров 10 декабря 1870 г., высказанные на котором за-

⁴⁶ Катков М.Н. Указ. соч. С. 586.

⁴⁷ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 412.

⁴⁸ Там же. С. 414.

⁴⁹ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 70.

мечания были отражены в документе «Руководящие основания» для разработки проекта устава о воинской повинности⁵⁰.

Вторая фаза — работа двух комиссий, под общим председательством графа Ф.Л. Гейдена для разработки Положения о воинской повинности и для составления Положения о запасных, местных и резервных войсках и Государственном ополчении. Проработка деталей перехода к всеобщей воинской повинности в рамках одобренной императором концепции. В этой фазе (с 5 февраля 1871 г.⁵¹) к обсуждению подключается общество. Это обсуждение происходит в двух вариантах: а) через приглашение в комиссии представителей земств, городских дум, сословных организаций; б) через обсуждение проблемы перехода к новому типу организации армии в прессе (журнал «Отечественные записки», газеты «Московские ведомости», «Голос», «Русский инвалид»). Именно в этой фазе происходит обсуждение альтернативных вариантов реализации имеющейся концепции и принимаются решения, конкретизирующие ее общие положения. Здесь, можно обозначить собственный (внутренний) алгоритм работы «комиссии Гейдена». Он может быть представлен таким образом: изучение опыта зарубежных стран — сопоставление этого опыта с российскими реалиями — разработка предложений по трансформации зарубежного опыта под российские реалии — апробация подготовленных предложений, в обсуждении с представителями общества — принятие решения голосованием в комиссии — представление этих результатов императору, с получением высочайшего одобрения.

Третья фаза — «Особое присутствие Государственного совета по делу о воинской повинности» обсуждает проекты Устава о воинской повинности и Положения о государственном ополчении, представленные в Государственный совет 19 января 1873 г. Здесь разработчики реформы (которых представлял сам министр Д.А. Милютин, поддержанный председателем — в.к. Константином Николаевичем) вели полемику с оппонентами: шефом жандармов П.А Шуваловым, министром народного просвещения Д.А. Толстым и их сторонниками. Девять заседаний «Особого присутствия» завершились одобрением Устава в общих чертах, «между тем на канцелярию Государственного совета возложена подготовка всех редакционных работ»⁵².

⁵⁰ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 307.

⁵¹ Там же.

⁵² Милютин Д.А. Указ. соч. С. 12.

Последняя, четвертая фаза — обсуждение Устава в общем собрании Государственного совета с 3 по 17 декабря 1873 г.⁵³ О полемике, которая велась при этом обсуждении, в дневнике Д.А. Милютинна есть запись: «Многие из членов громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того: шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся знатная и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и в случае войны легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности. Такая перестановка ролей могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого непосвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших ториев»⁵⁴. Завершением этой фазы стало подписание императором нового закона о воинской повинности 1 января 1874 г.

Соответственно мы можем утверждать, что каждая фаза, в принятии государственного решения имела собственную нагрузку:

первая фаза — формирование (и выражение) представлений армейских профессионалов о потребностях войск при переходе на новый принцип их формирования;

вторая фаза — апробация этих представлений в обществе и коррекция намеченных планов;

третья фаза — уточнение разработанных положений в полемике с представителями «групп интересов», сложившихся в то время в управленческой элите;

четвертая фаза — закрепление сформированных в процессе обсуждения элементов реформы на государственном уровне.

Литература

А. Заметка на заметку «Об учебных командах» // Военный сборник, 1871. № 2. С. 225–230.

Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М.: Алисторус, 2017. 277 с.

⁵³ Там же. С. 32.

⁵⁴ Там же. С. 28.

Алексеев П.В. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа (19 февраля 1861–1911): Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 2. М. 1911. С. 194–208.

Анненков В.М. Война 1870 года. Заметки и впечатления русского офицера. СПб. Типография «Общественная польза». 1871. 175 с.

Анненков В.М. О применении железных дорог к военному // Военный сборник. 1866. Т. 52. № 12. С. 329–352.

Баяндин В.И. Русская армия в XIX — начале XX в.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат // Вестн. Томского гос. ун-та. История, 2019. № 62. С. 10–18.

Бобровский П. Взгляд на грамотность и учебные команды (или полковые школы) в нашей армии // Военный сборник. 1871. № 3. С. 41–87.

Генерал-лейтенант М.В. Анненков // Всемирная иллюстрация. 1881. Т. 25. С. 357–358.

Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М.: Издательство «Московский университет», 1952. 369 с.

Записка по вопросам о сроках военной службы // Щербатов А.А. На службе отечеству. М.: Русский мир, 2009. С. 412–419.

Зуева А.А. Политическое лидерство в городском управлении России середины XIX в. (на примере московского городского головы князя А.А. Щербатова) // Вестн. Брянского гос. ун-та. 2020. № 2. С. 22–30.

Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских новостей за 1871 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. 863 с.

Милютин Д.А. Дневник. 1873–1882. Том 1. М.: Издательство Захаров, 2016. 284 с.

Орлов А.С. Освещение вопроса о введении всеобщей воинской повинности в Российской империи второй половины XIX века на страницах периодических изданий // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2019. № 1 (82). С. 54–58.

Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск, высочайше утвержденное 31-го июля 1871 г. Справочная книжка для лиц, заведующих продовольственной частью в войсках и управления. СПб.: Главная военная типография, 1871.

Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М.: Animi Fortitudo, 2005. 320 с.

Серебрякова Ю.В. Обзор деятельности секретных комитетов по расколу в царствование императора Александра I // Вестн. ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С. 30–39.

Некролог Л.Н. Клугина // Русский Инвалид. 1879. № 127.

Свод военных постановлений. Ч. 3. Наказ войскам. СПб.: Типография II отд. СЕИВК. 1838. 902. с.

Собожников Н.А. Демократизация Российской империи: реформа вооруженных сил Д.А. Милютина 60–70-е гг. XIX века // Кант. 2018. № 1 (26). С. 259–265.

Стерхов Д.В. Нация с оружием в руках. Военная мобилизация и всеобщая воинская повинность в Пруссии в 1813–1814 годах // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 69–76.

Тажиев А.К. Формирование морально-боевых качеств военнослужащих русской армии в ходе боевой подготовки (кон. XVIII — нач. XIX в.) // Армия и общество. 2008. № 4. С. 1–8.

Шалашина В.М. Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60–70-е гг. XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4. Т. 4. С. 263–267.